

Глава 17. Что-то я раздобыл

От Вэйшэна едва заметно пахло хмелем. И пусть одет он был с иголки, а на лице не проступало и следа опьянения, от намётанного взора Цан Доушаня это не укрылось.

Накапливавшееся весь вечер раздражение наконец прорвалось наружу.

— И где тебя носило? — сердито буркнул юноша. — Время — полночь, а ты только появился!

Вэйшэн чистосердечно сознался:

— Грешен, выпил малость.

Доушань искренне не понимал, с кем мог так свести знакомство его напарник, не вылезавший из лавки и целыми днями пересчитывавший медь. Да ещё сойтись настолько близко, чтобы пьянствовать до глубокой ночи.

— С кем это ты? И где?

— Да так, с одним торговцем зерном. Обсуждали судьбы Поднебесной, — ухмыльнулся Вэйшэн. Примостившись у стола, он приподнял крышку с миски, приготовленной на ужин, и его лицо мгновенно вытянулось. — Опять хуньтуни?

— Не хочешь — не ешь, никто не неволит.

— Съем, конечно съем! — Вэйшэн шумно икнул, перехватил палочки и отправил исходящий паром мешочек из теста в рот. Он радостно просиял. — О, с бараниной и морковью! Откуда мясо? Когда успел раздобыть? Ещё осталось?

— У мясника Ли обрезки оставались, никому не нужна мелочь. Он мне их по дешёвке и отдал, — лениво отозвался Доушань, поднимаясь со стула и сладко зевая. — Ладно, я спать.

— А погреб-то для зерна закончил? — поинтересовался Вэйшэн, не переставая жевать.

— Не до конца. Но теперь у нас есть сумка-хранилище, так что без разницы.

— Погоди, откуда? Такая штукавина ведь кучу денег стоит!

— Босс Хуан расщедрился.

— Надо же... — протянул Вэйшэн.

Три тысячи цзиней отборного зерна, больше пяти сотен цзиней липких рисовых лепёшек и пара центнеров сушёного батата — все запасы, закупленные Вэйшэном, без труда уместились в безразмерном пространстве сумки.

— Настоящее богатство! — довольно ухмыльнулся он, ласково похлопывая тугой кожаный мешочек.

Если оглянуться назад, стоило признать чутьё торговца безупречным. Вскоре после закупки цены на продовольствие во всём округе Вэньцзинь взлетели до небес, разом подскочив в пять раз. По улицам прокатилась волна ропота и гнева. Обитель Бессмертного Чайника тоже ощутила на себе последствия кризиса: торговля замерла, и несколько дней порог лавки не переступала ни одна живая душа.

Спустя ещё пару дней глухое недовольство переросло в открытый мятеж. Ранним утром Цан Доушань проснулся от далёкого грохота взрывов, доносившихся из-за пределов переулка Цветочной Чашечки, и безумного рёва толпы.

Вэйшэн в это время преспокойно сидел на корточках у пруда с лотосами и чистил зубы.

— Наверное, амбары грабят, — невнятно пробормотал он сквозь пену. — Чего ты подорвался в такую рань? Иди ложись обратно.

Не успел он договорить, как в ворота лавки бешено заколотили. Вэйшэн мгновенно посерьёзnel.

— Уходи в дом! — резко скомандовал он напарнику.

Юноша, однако, даже не подумал запаниковать.

— На воротах висят талисман Тысячи Цзюней и заклятие защиты от огня, — спокойно ответил он. — Им их не проломить.

Обильно насыпав на щётку зубного порошка, он принялся за чистку, но вдруг замер, осенившись внезапной мыслью:

— Беда... Вывеска-то снаружи осталась!

Вэйшэн лишь хмыкнул:

— Я её ещё позавчера ночью снял. А ты и не заметил.

— И куда ты её дел?

— Да вон же лежит. Такую дуру не приметить — это надо уметь. Я прямо не знаю, то ли ты слепой, то ли просто глупый...

Снаружи тем временем неистовые удары сменились глухим стуком топоров. Поняв, что толстые дубовые створы не поддаются ни железу, ни огню, разбойники разразились яростной бранью и, несолоно хлебавши, двинулись дальше в поисках более лёгкой добычи.

Впрочем, в переулке Цветочной Чашечки случайных людей не водилось — здешние купцы прочно стояли на ногах и успели подготовиться к смуте. Покрутившись без толку и не сумев взломать ни одной лавки, погромщики грязно помянули жён и матерей зажиточных горожан, после чего шумно убрались прочь.

К полудню на наведение порядка выслали гарнизонных солдат-практиков. На улицах вспыхнули новые стычки, над некогда процветающими кварталами потянулись струйки чёрного дыма. Свист летящих клинков и разноцветные вспышки заклинаний озаряли небосвод до самой темноты.

Лишь на третьи сутки Вэйшэн отважился выбраться наружу на разведку. Вернулся он весёлым и посвежевшим:

— Всё утихло, лавки открываются. Можем и мы отпирать двери.

— А как же бунтовщики? — с сомнением спросил Доушань.

— Часть переловили, остальные разбежались. Даже цены на зерно поползли вниз.

Цены в округе действительно совершили безумный кульбит и быстро вернулись к привычным значениям. Кровавый бунт превратился в обычную тему для досужих разговоров за чашкой чая. Обыватели содрогались, вспоминая пережитый ужас, судачили о погибших торговцах и в один голос твердили, что алчных спекулянтов, наживавшихся на чужой беде, покарали совершенно заслуженно.

Будучи тем самым «алчным дельцом», заслуживающим самой суровой кары, Вэйшэн и бровью не повёл — он преспокойно продолжил скупать сушёный батат и рисовые лепёшки. Хотя поток случайных покупателей в Обители Бессмертного Чайника заметно поредел, состоятельные заказчики не спешили отказываться от изысканных благовоний и румян. Фактически именно благодаря этим немногим богатым покровителям лавка держалась на плаву.

Жизнь в городе мало-помалу вернулась в прежнее русло, вновь зазвучала весёлая музыка, закружились в танце девы, и над Вэньцзинем воцарился привычный покой.

Приобретя на днях небольшое зеркальце, Доушань с ужасом обнаружил, что он округлился, побелел, а щёки налились детским розовым румянцем. Стыд-то какой! Возмущённый до глубины души столь позорной переменой, в тот же вечер он наотрез отказался от предложенных напарником румяных лепёшек с яйцом.

Тот, однако, сдаваться не собирался и принялся нагло искушать юношу:

— Точно не хочешь? Я туда и яйцо разбил, и желток морской утки положил — нежнейший, аж масло капает! Сверху кунжутом присыпал, белым перцем приправил... М-м-м, пальчики оближешь! Ну же, попробуй кусочек.

Доушань оставался ледяным:

— Нет.

— Ну разве можно наесться пустой кукурузной кашей? — Вэйшэн отломил кусок лепёшки, из которого аппетитно выглядывала золотистая начинка. — Взгляни только, как блестит! Это же лучшая партия солёных утиных яиц за весь год, желток сочный, жирный. Грех отказываться от такого великолепия.

Доушань насупился, но устоять против такого натиска не смог. С самым недовольным видом он всё же откусил крошечный кусочек.

Насыщенный, солоновато-сладкий вкус нежнейшего желтка мгновенно раскрылся на языке. С кукурузной кашей это было божественно. Доушань сердито покосился на приятеля, подозревая, что тот издевается над ним сознательно. Совершенно точно издевается!

— Намешал тут и кунжута, и перца... Только вкус испортил, — проворчал он, возвращаясь к своей миске с кашей. Покончив с ужином, он поспешил скрыться в своей комнате, чтобы продолжить работу над новым рецептом душистой помады.

Прикончив остатки ужина, Вэйшэн прибрался на кухне и отправился запирать лавку на ночь. На пороге его ждала неожиданная находка — изящный белый бумажный фонарь. Его рукоять была с силой вогнана прямо в каменный косяк двери, уйдя в глубь кладки больше чем на вершок.

Повозившись, торговец с трудом извлёк его из стены. Осмотрев вещь со всех сторон, он безошибочно почуял в ней духовную силу. Занеся фонарь в комнату напарника, он позвал:

— Доушань, глянь-ка. Что это за диковина?

Бросив беглый взгляд на подношение, тот так и подскочил на месте:

— Откуда это у тебя?

— В дверном косяке торчал, теперь там дыра осталась, — пожал плечами Вэйшэн, бережно опуская белый бумажный фонарь на стол. — Ты знаком с этой штукой?

— Это знак Обитали Одинокого Фонаря, крупнейшей шпионской сети в Поднебесной, — благоговейно произнёс Доушань, придвигая находку ближе.

Внешне фонарь почти не отличался от тех, что использовались тысячу лет назад, однако начертанный внутри узор духовного массива стал куда тоньше и совершеннее. Да и сама бумага, казавшаяся хрупкой, была соткана из особого волокна — прочного, гладкого и ослепительно белого.

Нащупав незаметный выступ на верхушке купола, юноша мягко пустил внутрь струйку духовной энергии. Фитиль мгновенно отозвался, и внутри вспыхнуло тусклое призрачно-синее пламя. Бумага прогрелась, и на её белоснежной поверхности медленно проступили ровные строчки текста. Слог и манера изложения в точности повторяли древние свитки тысячелетней давности, отчего мастер невольно улыбнулся.

Вэйшэн с любопытством вытянул шею:

— И что с этим делать?

— Сейчас увидишь, — заговорщически подмигнул Доушань.

Резким щелчком пальцев он создал крошечное лезвие из сжатого воздуха, полоснул себя по среднему пальцу и вывел каплей крови собственное имя прямо поверх светящихся строчек. Багряные капли мгновенно впитались в податливую бумагу, бесследно растворившись в её волокнах.

Торговец окончательно запутался:

— Зачем это?

— Мы заключили соглашение, — пояснил Доушань, не отрывая взгляда от колеблющегося синего пламени. — Поверить не могу, что эта традиция до сих пор жива.

В прежние времена, едва став преемником главы Врат Сердца, он удостоился чести получить чёрный бумажный фонарь от Обители Одинокого Фонаря. Тогда, ослеплённый юношеским высокомерием и собственными успехами, он, не задумываясь, предал то подношение огню. Теперь, глядя на белый остов, он понимал свою глупость: прими он тогда соглашение, сейчас ему не пришлось бы вести расследование в одиночку. Статус «Теневого Фонаря» в Обители ценился чрезвычайно высоко. Гибель любого из них при невыясненных обстоятельствах неизбежно влекла за собой тщательное расследование со стороны шпионской сети.

Тем временем синее пламя затрепетало и плавно угасло.

— И всё? — удивлённо моргнул Вэйшэн.

— Всё, — кивнул юноша. — Он нащупал скрытый фиксатор на доньшке фонаря, надавил на него, и бамбуковые рёбра с тихим щелчком сложились, превратив объёмную конструкцию в плоский круглый диск. — Удобная вещь: стоит появиться новому посланию, как он сам расправится и зажжётся.

— Любопытно... — протянул напарник. — А в чём выгода? Тебе за это платить будут?

— За каждое выполненное поручение полагается доля от награды, — улыбнулся Доушань. — Белые фонари — это низший ранг, таких агентов пруд пруди. Но чем выше твой статус, тем щедрее выплаты и значительнее влияние. Говорят, обладатели Туманных Фонарей — высшего ранга — сплошь великие мастера, способные дотянуться до небес.

— Понятно, — протянул торговец. Он ещё немного повертел в руках диковинку, после чего потерял к ней интерес и вернулся к своим делам.

Доушань повесил белый фонарь под самый навес крыши. Шпионы знали толк в красоте: изящное ушко было выточено из благородного чёрного дерева с искусно вырезанными облаками и речными волнами. Сам фонарик выглядел столь скромно и элегантно, что никому и в голову не пришло бы заподозрить в нём тайное средство связи.

Каково же было его удивление, когда спустя всего несколько дней бумажные стенки вновь озарились призрачным сиянием. На белом поле проступили чёткие иероглифы. Но ещё больше его потрясло содержание первого поручения.

Ему предлагалось... разузнать об интрижках на стороне одного почтенного господина.

Требовалось выяснить всё о любовницах Хуан Дэшэна — будь то третья, четвёртая или пятая наложница, — а также составить подробный отчёт о том, какие именно бордели он посещал и сколько раз там бывал. Награда за труды составляла без малого две тысячи лянов серебра.

Деньги по любым меркам весьма приличные.

Быстро запомнив все подробности, Доушань взмахом рукава погасил пламя, заставив надписи растаять без следа.

— Вэйшэн! Эй, Вэйшэн! — позвал он.

— Я на кухне! — донёлся бодрый отклик.

— И чего тебя туда постоянно тянет... — проворчал юноша под нос.

Заглянув на кухню, он застал напарника изнывающим от жары у раскалённой плиты. Вэйшэн как раз собирался отправить в помойное ведро горшок с подозрительно почерневшими клубнями батата.

— Что стряслось? — с любопытством спросил Доушань.

— Сахар пережёг, — уныло буркнул тот.

— Хотел приготовить батат в карамели?

— Какая теперь разница. Перевёл только добро и сахар, больше не притронусь, — сердито выплюнул Вэйшэн, безжалостно избавляясь от неудавшегося лакомства. — Так зачем я тебе понадобился?

— Нам прислали первое задание. Нужно разузнать о любовных похождениях некоего Хуан Дэшэна.

— Кого-кого? — Вэйшэн на мгновение замер, а затем так и покатился со смеху: — Хуан Дэшэна?! Ха-ха-ха!

Доушань недоумённо уставился на него. Отсмеявшись и вытерев выступившие слёзы, торговец наконец выдавил:

— Да это же наш босс Хуан! Ой, не могу, ха-ха-ха!

Осознав, в чём дело, Доушань и сам едва удержался от смеха. Похоже, намечалось знатное веселье.

Вэйшэн тут же с азартом вызвался лично заняться этим делом, клятвенно пообещав вытащить на свет грязное бельишко старого приятеля. Доушань без долгих раздумий доверил

расследование ему. И не прогадал: уже через несколько дней компаньон притащил длиннющий свиток, исписанный мелким убористым почерком. Юноша опешил от изумления.

Кого там только не было — и прелестные девы, и юноши, а уж заведения весёлого квартала почтенный купец, казалось, обошёл решительно все до единого. Каждое посещение сопровождалось точным указанием времени визита.

— Как тебе удалось разузнать всё это? — покачал головой поражённый мастер.

Вэйшэн так и сиял от гордости:

— Сам посуди. Обитель Одинокого Фонаря вербует агентов низшего ранга не просто так — им нужны люди с собственными зацепками. А какие у нас связи в этом городе? Самые надёжные — через обитательниц весёлых кварталов.

С тех пор как Павильон Благосклонной Луны стал закупать у них румяна целыми коробами, их примеру последовали и другие заведения. Заключив выгодные сделки, лавочники быстро сошлись с тамошними девицами, а вывести нужные слухи у словоохотливых красавиц за чаркой сладкого вина оказалось делом нескольких минут.

Доушань довольно улыбнулся и взялся за кисть. Стоило ему перенести собранные сведения на бумажные стенки фонаря, как тусклое синее пламя яростно затрепетало, разгорелось сильнее и на мгновение полностью поглотило бумажный купол. Вспышка — и список бесследно растворился, улетев к таинственным нанимателям.

— И всё, ушло? — Вэйшэн так и загорелся любопытством, явно желая распотрошить фонарь и изучить его внутреннее устройство.

— Ушло, — подтвердил Доушань. Он ловко сложил бумажный диск и убрал его в стоявшую у книжного шкафа фарфоровую вазу. Заметив плотоядный взгляд приятеля, он строго добавил: — И даже не думай его ломать. Руки прочь.

— Да я только одним глазком взглянуть хотел... — состроил невинную мину торговец.

<http://bllate.org/book/18329/1809982>